А. Е. ГОРОХОВЪ
(КАНДИДАТЪ БОГОСЛОВІЯ).

ПОРА ИСКЛЮЧИТЬ БУКВУ „ЯТЬ" ИЗЪ РУССКАГО АЛФАВИТА.

ЦѢНА 10 КОП.

Изданіе 2-е исправленное и дополненное.

Изданіе 1-е было отпечатано въ „Филологическихъ Запискахъ".

ОРЕЛЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1900.

А. Е. ГОРОХОВЪ
(кандидатъ богословія).

Пора исключить букву „ЯТЬ“ изъ русскаго алфавита.

Цѣна 10 коп.

Изданіе 2-е исправленное и дополненное.

Изданіе 1-е было отпечатано въ „Филологическихъ Запискахъ“.

ОРЕЛЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1900.

Дозволено цензурою. Москва, 24 Ноября 1899 года.

Пора исключить „ять" изъ русскаго алфавита.

Въ исторіи человѣческаго языка приходится встрѣчать удивительныя явленія: измѣняются не только слова, но и самые звуки и притомъ такъ измѣняются, что въ новомъ, видоизмѣненномъ звукѣ не видно первоначальной природы его. „Къ числу такихъ звуковъ относится звукъ „ять", употреблявшійся въ общеславянскомъ языкѣ".

Буква „ять" у насъ однозвучна съ буквою „е"; но есть достаточно данныхъ къ предположенію, что въ древне-церк.-славянскомъ языкѣ „ять" имѣла свое специальное произношеніе,

1) Такъ, само по себѣ недопустимо, чтобы просвѣщенные составители славянской азбуки изобрѣли для обозначенія одного и того же звука два знака. Еще болѣе недопустимо, чтобы они предписали правила, когда употреблять тотъ и когда другой знакъ. Просвѣтители славянства никогда не рѣшились бы безцѣльно затруднить изученіе славянской грамоты.

2) Въ наиболѣе древнихъ рукописяхъ др.-церк.-славянскаго языка замѣтно, что переписчики рѣдко дѣлали ошибки въ буквѣ „ять". Подобное отношеніе переписчиковъ къ данной буквѣ мыслимо лишь при условіи, что она произносилась отлично отъ „е".

3) Тогда какъ буква „е“ во всѣхъ славянскихъ языкахъ обыкновенно удерживаетъ свой звукъ, буква „ѣ“ тамъ же произносится различно. Это несходство двухъ буквъ показываетъ, что первоначальная природа ихъ далеко не одинакова.

Считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на то, какъ произносится теперь буква „ять“ разными славянскими народностями. Такой пріемъ изслѣдованія мы признаемъ за лучшее средство подойти къ истинѣ относительно первоначальнаго произношенія интересующей насъ буквы.

1) Обыкновенное произношеніе буквы „ять“ въ русскомъ языкѣ—это „е“. Но иногда „ѣ“ выговаривается, какъ „јо, је, и, і“, напр.: гнјозда (гнѣзда), вјера (вѣра), свидѣтель (свѣдѣтель), змія (змѣя). Въ говорѣ малороссійскомъ „ѣ“ произносится, какъ „і“, а въ говорѣ новгородскомъ, какъ „и“; такъ, по-малороссски місто, ріка, дівочка (вм. мѣсто, рѣка, дѣвочка); по-новгородски хлибъ, билый, бида (вм. хлѣбъ, бѣлый, бѣда);

2) въ чешскомъ языкѣ „ять“ произносится, какъ „је, е, ји, и“: вједјети, лес, стрјибро, бида;

3) въ польскомъ,—какъ „ја, је, јо“, рѣдко—„и“: вјара, рјека, трјосло, свитац;

4) въ сербскомъ „ять“ выражается звуками „ије, је, е, и“: свијет, завјет, мрежа, лито;

5) наконецъ, въ болгарскомъ языкѣ „ять“ выражается на востокѣ звукомъ „ја“, а на западѣ „э“: клјатва—клэтва.

Приведенные факты въ слав. языкахъ наводятъ насъ на мысль, что древнее „ять“ очень родственно звукамъ „е, и, о, а“. Кромѣ того мы

замѣчаемъ, что новые славянскіе языки, для выраженія звука „ять" др.-церк.-слав., часто употребляютъ двѣ гласныхъ, причемъ первая изъ нихъ „j" смягчаетъ вторую. Отсюда дѣлаемъ второе заключеніе, что древнее „ять" было мягкимъ двоегласнымъ звукомъ.

Двоегласность буквы „ять" доказывается еще слѣдующимъ: въ старо-славянскомъ языкѣ, въ словахъ, взятыхъ изъ древнихъ языковъ, „ять" стоитъ тамъ, гдѣ въ древнихъ языкахъ находились двоегласныя; таковы слова: фарисѣй (греч. φαρισαῖος), Матѳѣй (греч. Ματθαῖος), цѣсарь (лат. caesar греч. καῖσαρ), лѣвъ (лат. laevus). Равнымъ образомъ бываетъ и наоборотъ: русскій языкъ, для выраженія древне-славянскаго „ять", употребляетъ два одинаковыхъ звука; такъ, русск. „не есть" равно древне-слав. „нѣсть". Далѣе, буква „ять" употребляется въ тѣхъ слогахъ, надъ которыми дѣлается удареніе, и не ставится тамъ, гдѣ звукъ „е" неустойчивый; отсюда мы убѣждаемся въ долготѣ звука „ять", но мы не можемъ съ полной увѣренностью сказать самаго существеннаго: какой же звукъ обозначался буквою „ять"; уже въ Остромировомъ евангеліи, памятникѣ XI в., буква „ять" замѣнена другими буквами, напр., буквою „е" въ словахъ: жребя, предана, древо и др., почему для насъ является возможность дѣлать разныя предположенія относительно первоначальнаго выговора „ѣ". Наиболѣе вѣроятнымъ намъ кажется, что буква „ять" произносилась, какъ „ja".

1) Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ вниманіе на то

названіе, которое имѣетъ разсматриваемая нами буква. Названіе буквы—ꙗть, т. е. јать—естественно наводитъ на мысль, что, при составленіи славянской азбуки, нашей буквою обозначался звукъ „ја".

2) а) Въ древне-болгарскомъ языкѣ „ѣ" и „ја" настолько близки между собою, что нерѣдко замѣняютъ другъ друга: вьсѣкъ нынꙗ вм. всꙗкъ нынѣ; „въ парем. XII в ѣко, ѣвити, ѣже вм. ꙗко, ꙗвити, ꙗже и наобор.: бꙗ, звꙗрь, дрꙗво вм. бѣ, звѣрь, дрѣво (Буслаевъ „Историческ. грамматика". § 25. М. 63).

б) Востоковъ указываетъ, что въ древнѣйшей сербской рукописи (въ граматѣ Кулина, бана боснійскаго. 1189 г.) буква „ѣ" ставилась вмѣсто „ја", напр., въ словѣ „диѣкъ" („Грамматика церк.-слав. яз.", стр. 11.—63 г.).

в) То же самое наблюдаемъ мы въ древнихъ русскихъ памятникахъ, напр., въ Остромировомъ евангеліи: самарѣнинъ и самарꙗнинъ, каплѣ и каплꙗ и др.

3) Произношеніе „ѣ", какъ „ја", имѣетъ мѣсто въ славянскихъ языкахъ и въ настоящее время. Особенно это принято въ польскомъ языкѣ; тамъ „ѣ" выговаривается, какъ „ја", напр., въ словахъ: лјас. тјало. То же мы слышимъ у восточныхъ болгаръ, которые говорятъ: млјако, чолјакъ и т. п. Есть такое произношеніе въ общемъ русскомъ и въ мѣстномъ великорусскомъ выговорѣ. Для примѣра укажемъ на слова: јад, пјатух, звјазда, лјанив.

4) Нерѣдко мы встрѣчаемся съ произношеніемъ „ѣ", какъ „а". Звукъ „а" здѣсь слѣдуетъ принимать за звукъ „ја", утратившій свое смяг-

ченное произношеніе. Замѣна „ѣ“ буквою „а“ принята послѣ „ж, ч, ш“; иногда то же бываетъ послѣ „ц“. Подобная замѣна имѣетъ мѣсто какъ въ старославянскомъ, такъ и въ современномъ русскомъ языкѣ, напр., въ словахъ: нижайшій, величайшій, слышать, цаловать.

Произношеніемъ „ять“ какъ „ја“ легко объяснить выговариваніе „ять“, какъ „і“. Имѣя въ своемъ составѣ звукъ „і“, „ять“ легко можетъ замѣняться послѣднимъ.

Произношеніе „ѣ“ какъ „јо, је, е“ явилось вслѣдствіе ослабленія ея втораго составнаго звука въ „о, е“.

Гипотеза о произношеніи „ѣ“, какъ „ја“, не препятствуетъ намъ сказать, вмѣстѣ съ Гебауеромъ („Славянскія нарѣчія“. Кіевъ, 82 г.) и Ѣомановичемъ („Фонетика русскаго и др.-слав. яз.“ Спб., 85 г.), что „ѣ“ соотвѣтствовала двугласной древнихъ языковъ „аі“, напр.: іудѣй гр. ἰουδαῖος, еврѣй гр. ἑβραῖος, снѣгъ готск. snaivs, хлѣбъ гот. hlaibs, мѣна литовск. mainas, вѣнецъ лит. vainicias. Весьма можетъ быть, что въ глубокой древности у славянъ часто употреблялся сложный звукъ „аі“ и „ꙗ“=ја. Однако тожество древняго „јать“ съ звукомъ „ја“ не можетъ быть признано несомнѣннымъ.

Допустимъ, что намъ когда нибудь удастся вполнѣ доказать такое тожество. Тѣмъ не менѣе мы не придемъ къ практическимъ результатамъ и не станемъ произносить букву „ѣ“, какъ „ја“, не будемъ говорить дјало вм. дѣло, бјалый вм. бѣлый, сидјать вм. сидѣть и т. п. Народъ—госпо-

динъ языку: разъ онъ допустилъ въ своей рѣчи преобразованіе звука, то не станетъ возвращаться назадъ; а если буква „ять“ передаетъ звукъ, равный звуку, обозначаемому буквою „е“, то употребленіе „ять“ въ нашей письменности совсѣмъ излишне.

Но нѣкоторые ученые стараются защищать необходимость въ алфавитѣ буквы „ѣ“: такъ, Гильфердингъ говоритъ: „У насъ употребленіе буквы „ѣ“ оправдывается тѣмъ, что особенность ея значенія не совсѣмъ исчезла (ибо есть мѣстности, гдѣ „ѣ“ выговаривается иначе, нежели „е“... („Общеславянская азбука“, стр. 2. Спб. 71 г.).

Доводъ Гильфердинга не убѣдителенъ. Гдѣ звукъ „ѣ“ выговаривается иначе, нежели „е“, тамъ онъ не удерживаетъ своего внѣшняго начертанія, а обозначается другою буквою. Къ сказанному добавимъ и то, какое намъ дѣло до мѣстныхъ выговоровъ, когда въ общемъ литературномъ языкѣ „е“ и „ѣ“ звучатъ одинаково?!.

Гильфердингъ указываетъ также на непрерывность историческаго преданія касательно „ять“ и считаетъ эту непрерывность за основаніе къ употребленію буквы „ѣ“. Подобную же мысль развиваетъ Гротъ. „Въ русскомъ языкѣ“, пишетъ онъ: „употребленіе буквы ѣ въ корняхъ словъ и въ образовательныхъ окончаніяхъ есть дѣло преданія и обычая, въ которомъ выражается уваженіе къ историческому началу“ („Русское правописаніе“, § 64. Спб. 85 г.).

Но историческое начало нужно считать уже прерваннымъ, разъ утратилось древнее произноше-

ніе буквы „ѣ". А въ такомъ случаѣ какой же смыслъ благоговѣйно сохранять изображеніе исчезнувшаго звука? Тѣмъ болѣе нѣтъ смысла, что самое изображеніе во многихъ случаяхъ или потеряло свое мѣсто, или заняло чужое.

Уже въ началѣ нашей письменности „ять" сталъ терять свою самостоятельность и переходить въ звуки, родственные ему по произношенію. Прошло два-три столѣтія, и онъ сдѣлался ненужнымъ, какъ спеціальный звукъ; его замѣняли другіе звуки, въ особенности „е". И вотъ тогда одни изъ грамотеевъ, придерживаясь стариннаго начертанія, ставили „ять" приблизительно на прежнемъ мѣстѣ; другіе же писали „ять", нарушая историческое правописаніе,—удерживали эту букву въ своей письменности лишь „красоты ради", и въ употребленіи буквы „ять" произошла большая путаница; при введеніи книгопечатанія въ этомъ разобраться не могли и потому допустили въ печатныя книги много ошибокъ касательно „ять" Большая часть ошибокъ мало-по-малу была санкціонирована нашими грамотеями: послѣдніе стали требовать, чтобы всѣ писали такъ, какъ они, т.-е. невѣрно.

Ошибки въ употребленіи буквы „ять" укоренились какъ въ церковной, такъ равно и въ гражданской письменности.

У Грота мы читаемъ, что „е" замѣнила собою „ѣ" въ двухъ категоріяхъ словъ: „ а) послѣ „р" и „л", слѣдующихъ за начальной согласной,—въ словахъ, которыя въ русскомъ языкѣ имѣютъ соотвѣтственную полногласную форму. т. е. когда сочетанію „лѣ,

рѣ“ *соотвѣтствуетъ въ русскомъ выговорѣ „ере, оло“*, какъ, напр., въ словахъ: брѣгъ, брѣза, врѣдъ, прѣдъ, срѣда, влѣку, млѣко и др. Причина тому ясна: это произошло подъ вліяніемъ русскихъ формъ: берегъ, береза, вередъ, передъ, середа... б) въ глаголахъ, у которыхъ въ древне-славянскомъ языкѣ, хотя коренная форма имѣетъ „е“, но которые, по закону словообразованія, удлинняютъ эту глассную въ „ѣ“, какъ, напр.: гнести и гнѣтати, летѣти и лѣтати, легати и лѣгати, метати и мѣтати, реку, рещи, реченіе и рѣкати, рѣкъ, рѣчь.

Всѣ эти слова, исключая послѣднее, постоянно пишутся теперь съ „е“ („Русское правопис. “§ 64 Спб. 85).

По мнѣнію Буслаева, мы безо всякой причины отступаемъ отъ древнѣйшаго правописанія, когда пишемъ „ѣ“ вм. „е“ 1) въ формахъ сравнительной степени болѣе (и усѣч. болѣ), менѣе (и менѣ) вм. церк. слав. болѥ, менѥ; 2) въ нарѣчіяхъ гдѣ, здѣсь вм. церк.-слав—кьде, сьде“ („Историческая грамматика русскаго языка“, § 25. Москва, 63 г.).

Историческія изслѣдованія въ области филологіи показываютъ, что въ русскомъ языкѣ слишкомъ много всякаго рода словъ, гдѣ, вмѣсто древняго „ѣ“, поставлено „е“; таковы слова: песокъ, клей, бремя, время, семья, темя, блескъ, предъ, требовать, дремать стрекотать и. т. д., и т. д.

По поводу отмѣченной фальши въ нашемъ правописаніи Гротъ замѣчаетъ: „Какъ бы ни желательно было возстановить правильное письмо, трудно теперь, да едвали и нужно измѣнять начертаніе словъ, которыя всѣми пишутся одинаково. Попытка

такого измѣненія могла бы увеличить разладъ въ ороографіи" („Русск. правопис." § 64).

Однако же и самъ Гротъ и многіе важные и неважные филологи дѣлаютъ попытки возстановить древнюю ороографію буквы „ять"; они спорятъ между собою, приходятъ къ противоположеннымъ выводамъ и такъ затемняютъ правописаніе, что не только учащіеся, но и учащіе, даже при высокомъ образовательномъ цензѣ, становятся втупикъ предъ употребленіемъ буквы „ѣ": до сихъ поръ, напр., не могутъ рѣшить, какъ слѣдуетъ писать слова: копейка, белена, прилежный, лѣкарь и др.

Что же касается до насъ, то намъ страннымъ кажется употребленіе буквы „ѣ" и еще болѣе странными кажутся споры о ея правописаніи. Если бы насъ все это только удивляло, мы, пожалуй, молчали бы; но мы рѣшаемся говорить, такъ какъ намъ не только странно, но и больно, досадно.

Много времени и труда требуется для того, чтобы изучить правописаніе буквы „ять"; а между тѣмъ это время и трудъ можно бы употребить на пріобрѣтеніе полезныхъ знаній. Намъ особенно грустно за дѣтей начальной народной школы.

Они учатся въ школѣ три года, и этимъ образованіе ихъ заканчивается. Времени у нихъ мало, а оно очень дорого; зачѣмъ же значительную долю времени тратить непроизводительно?. Учащіе нерѣдко сознаютъ, что они обучаютъ безполезному, тѣмъ не менѣе, съ болью въ сердцѣ, вбиваютъ въ головы школьниковъ ненужныя правила правописасанія. Впрочемъ, учащимъ иначе нельзя поступить. Отъ нихъ строго требуется научить дѣтей право-

писанію „ять“. Для возбужденія интереса къ этой буквѣ, для болѣе легкаго, скораго и прочнаго усвоенія ея, ученикамъ предлагаются стишки, въ родѣ слѣдующихъ:

„возлѣ, нынѣ, подлѣ, послѣ,
вчужѣ, въявѣ, вкратцѣ, вскорѣ“...
или:
„бѣлый, бѣглый, бѣдный, бѣсъ,
убѣжалъ, поспѣшно въ лѣсъ“...

Всѣ подобныя ухищренія мало достигаютъ цѣли. Правописаніе „ять“ сохраняется въ памяти только путемъ частаго механическаго повторенія. Ученики народной школы, по вступленіи въ жизнь, не пользуются этимъ средствомъ: имъ рѣдко приходится писать; оттого они, изъ школьнаго запаса знаній, особенно быстро утрачиваютъ правила правописанія „ять“.

Буква „ять“ чаще, чѣмъ что-либо другое, является для учащихся причиною несчастія: за неумѣнье правильно употреблять эту букву лишаютъ выпускныхъ свидѣтельствъ учениковъ народной школы, не принимаютъ въ низшія и среднія учебныя заведенія (нужно замѣтить, что на пріемныхъ экзаменахъ по диктанту бываетъ болѣе неудовлетворительныхъ балловъ, чѣмъ по другимъ предметамъ; а если диктантомъ начинаются самые пріемные экзамены, то получившихъ менѣе 3-хъ не допускаютъ до слѣдующихъ экзаменовъ). Буква „ять“ причиняетъ горе учащимся въ теченіе учебнаго года и на переходныхъ экзаменахъ; она вредитъ имъ не только въ младшихъ классахъ, но и въ старшихъ; вредитъ и по выходѣ изъ учебнаго заведенія.

Иногда не принимаютъ на должность лишь за то, что въ прошеніе попали ошибки въ буквѣ „ять“. Чрезъ эти ошибки менѣе развитые люди смотрятъ свысока на лицъ болѣе достойныхъ, чѣмъ они сами. Въ такой придирчивости кроется много несправедливости: буквою „ять“ нельзя опредѣлять степень развитія, такъ какъ здѣсь не принимается во вниманіе индивидуальность человѣческой натуры. Есть люди съ автоматическимъ складомъ ума; они одинаково легко, но вмѣстѣ съ тѣмъ безучастно, воспринимаютъ знанія всевозможнаго рода: имъ все равно,—изучать ли твореніе великаго мыслителя, или заучивать мелочныя родословныя таблицы; разсматривать ли важную эпоху въ исторіи, или сидѣть на отжившими теоріями языка. Но есть другіе люди, сосредоточенные, глубокаго чувства, которые съ жаромъ отдаются тому, что достойно вниманія, къ чему сердце влечетъ; къ остальному относятся болѣе или менѣе безучастно; нѣкоторые изъ послѣднихъ съ трудомъ усвоютъ правописаніе буквы „ять“ и скоро его забываютъ: эта буква не возбуждаетъ въ нихъ ничего, кромѣ тоски. Справедливо ли ихъ карать?!...

Однимъ словомъ „ять“ не только безполезная, но и весьма вредная буква. Удерживаемъ мы ее въ печати и письменности по какому-то безцѣльному консерватизму. Мы недостаточно работаемъ надъ грамматикой родного языка; мы отчасти похожи на китайцевъ, которые учатся письму нѣсколько лѣтъ и не могутъ вообразить себѣ, что этому дѣлу можно научиться въ нѣсколько недѣль...

Пора намъ выйти изъ долгаго заблужденія;

пора изгнать „ять“ изъ русскаго алфавита. Это сдѣлать легко: стоитъ только отобрать у типографскихъ наборщиковъ изображеніе этой буквы.

Примѣчаніе. Въ нашемъ изслѣдованіи мы вооружались „единственно“ противъ „ять“ по той причинѣ, что ея усвоеніе требуетъ много безполезнаго труда. Но есть въ русскомъ алфавитѣ и еще нѣкоторыя буквы, утратившія свое значеніе, а потому излишнія. Такъ, намъ не нужны два знака „и, і“, а лишь одинъ; то же самое слѣдуетъ сказать относительно „ф, ѳ“. Могутъ возразить, что разнообразіе однозвучныхъ знаковъ требуется для различія сходныхъ по произношенію словъ; но такихъ словъ слишкомъ мало и значеніе ихъ, обыкновенно, выясняется изъ контекста рѣчи; наконецъ, для нихъ можно изобрѣсти какую нибудь кавычку. Хорошо было бы выбросить въ концѣ словъ и твердый знакъ, руководствуясь простымъ соображеніемъ: если не мягко, то, значитъ, твердо. Вообще слѣдуетъ значительно измѣнить русскій алфавитъ. А для большей рѣшимости въ этомъ дѣлѣ можно вспомнить о томъ, какъ въ началѣ 18-го вѣка, вмѣсто прежняго неудобнаго славянскаго алфавита, стали вдругъ употреблять новоизобрѣтенный алфавитъ гражданской печати.

